

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВАЯ КНИГА О МИФОЛОГИИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН. О книге Т. К. Салбиева «В поисках создателя. Мифология и традиционная культура осетин». (Сер. «Аланская старина. История и культура».)

**З. В. КАНУКОВА
Д. В. СОКАЕВА**

В 1990-х годах в истории осетиноведения зафиксировано формирование нового этапа, когда молодые исследователи Т. К. Салбиев, Р. С. Бзаров, В. С. Уарзиати, В. С. Газданова, З. Л. Цховребов, Д. В. Сокаева, Р. Ф. Фидаров и ряд других ученых пришли к выводу о возможности соотнесения большей части элементов осетинской традиционной культуры с мифологическими представлениями об устройстве мироздания. Рассмотрение традиционной культуры в контексте культурно-исторической концепции космологии привело их к пониманию традиции как внутренне единого и цельного живого организма, традиционной культуры в целом как объекта мифологического моделирования, а мифологии — как особого способа миропонимания. Предметом исследовательского внимания стали космологические мифы, посвященные устройству природы, тайнам рождения и смерти, всевозможным испытаниям, которые подстерегают человека на его жизненном пути.

Следует отметить значительный вклад в развитие указанного направления Тамира Казбековича Салбиева — автора книги «В поисках создателя. Мифология и традиционная культура осе-

тин», изданной в серии «Аланская старина. История и культура» в 2013 году. Книга по форме подачи материала представляет собой сборник статей, но вполне может быть представлена и в жанре монографического исследования, поскольку все включенные в него материалы посвящены одной проблеме — космологизированности осетинской традиционной культуры.

Рассматривая миф как особый вид мировоззрения, специфическое образное синкретическое представление о мироздании, автор показывает, как воплощенные в мифах представления тесно переплетались с обрядами, служили предметом веры. С содержательной стороны, с точки зрения мировоззренческих конструкций, мифология и религия трудно делимы.

Анализ ритуалов и молитвословий часто приводит Т. К. Салбиева к интересным выводам. Так, разбор текста молитвы по случаю обрядового праздника *кахицганан*, включавшего формулу-пожелание семье быть богатой мужами и конями (*læggyn ætæ bæxgyn*), позволил автору предположить, что «осетинская и древнеперсидская формулы восходят к единой традиции, в которой обилие всадников понимается как одна из бла-

годатей, даруемых Досточтимым Богом». В статье «Второй дар Нарта Сырдона» автор, с привлечением лингвистического анализа, на примере обряда *кувд* показывает тесную связь молитвы и ритуального действия.

В статьях рассмотрены различные символы традиционной культуры, отражающие представления о мироздании — **числа** («Об обозначении 'девяти' в осетинском языке»), **цвета** («Об осетинском прилагательном *с'æх* (языковые основы традиционного цветовосприятия)»), **образы животных** («Серый осел Бораевых в нартовском эпосе осетин (происхождение и семантика образа)», «Осетинская сказка о козах Кобала», **танец** («Этиология социума в осетинской традиционной хореографии (танец *Хонгæ*)»), который по своему мифологическому содержанию воспроизводит не только этиологию социума, но и миф о происхождении человека и космоса.

В статье «Гора Тбау-хох — ось мира осетинской космологии» Т.К. Салбиев предлагает принципиально новое прочтение атрибутики, символов и ритуала праздника Тбау-Уацилла. Аргументированно, последовательно и логично автор доказывает, что смысловая нагрузка праздника не замыкается в рамках аграрной культуры, а объясняется космологически: осетинский громовержец Уацилла выделяет эту гору из мирового океана, заселяет ее первым человеком, птицей (орлом), животным (козлом) — и растением (ивой). Можно согласиться с выводом о том, что аграрная линия в интерпретации этого святого в науке является однобокой, равно как и с обликом осетинского Громовержца с характерной для него атрибутикой, представшим перед нами в замечательной подаче Т.К. Салбиева.

Вместе с тем, есть сомнение относительно одной громко заявленной

формулировки. На наш взгляд, коррекции требует заголовок раздела «Гора Тбау-хох — ось мира осетинской космологии». При всем том, что говорится Т.К. Салбиевым по поводу небожителя осетинского традиционного пантеона Уацилла, а также связанных с ним культов и обрядов, мы не можем считать почитаемую осетинами гору Тбау-хох осью мира осетинской космологии по простой причине. В каждом ущелье, во всяком случае, в Северной Осетии, есть свой центр космологии: в Куртатинском ущелье — Кариу-хох, в Дигории — гора Уаза. Более того, в связи со сказанным, понятие «ось мира» относительно осетинского фольклора и этнографии требует уточнения. Помимо таких, всеми почитаемых мест-святилищ, которые по определению являются вариантами оси мира в осетинском мифолого-религиозном мировидении, менее значимые, периферийные точки пространства, функционирующие в качестве оси мира, могут быть зафиксированы во многих обрядах, культовой сфере. Они (центры космологии) в большом числе зафиксированы в различных жанрах осетинского фольклора.

Весьма интересным представляется исследование мифопоэтического комплекса сна в осетинской традиционной культуре, проведенное на материале стихотворения Коста Хетагурова «*Лагау*». Автор предлагает реконструкцию мифопоэтического комплекса сна, основанную на представлении о тождестве сна и смерти; о воде как границе между двумя мирами, которая пересекается во время сна; о молитве как благодарности за благополучное возвращение с того света. В одном стихотворении автор выявляет целую систему обрядовых действий, направленных на установление определенных отношений со сверхъестественным.

Трудно не согласиться и с выводом Т.К. Салбиева о *Хуыцау/Хуцау* – Боге – как основном концепте картины мира традиционной культуры осетин («Об этимологии осетинского *Хуыцау* «Бог»: в поисках Создателя»). Несомненно, этот раздел книги можно считать удачей автора. Аргументированно, с точки зрения саморефлексии осетинского народа, определив задачу реконструкции концепта Бога традиционной культуры осетин как важнейшую, автор предлагает читателю глубокий культурологический анализ термина, внешней и содержательной его частей, показывает его функционирование в синхронном и диахронном планах.

Следует отметить бережное отношение Т.К. Салбиева к каждому фольклорному тексту. Он впервые «обнародовал», иными словами, ввел в научный оборот сказку «Къобалайы-аргъау», записанную профессором Б.А. Алборовым (в сборник из серии ПНТО «Цæрæгойты аргъæуттæ» – сост. Т.А. Хамицаева – она не вошла). В своих рассуждениях об издании осетинских фольклорных текстов Т.К. Салбиев приводит причины, по которым тот или иной вариант того или иного сюжета=текст фольклора не бывает издан, и главной причиной называет субъективизм фольклориста-издателя. Желая придать данной рецензии кон-

структивный характер, хотим удостоверить Т.К. Салбиева в том, что мы, периодически выступая в качестве издателей фольклорных текстов, ставим перед собой задачу тотальной публикации вариантов сюжета и благодарны автору за то, что этот вопрос «вынесен на повестку дня». Что касается «чистых» вариантов сюжета, якобы наиболее глубоко отражающих семантику сюжета, то здесь можно поспорить. Ситуация выбора того или иного варианта сюжета как базового диктуется, как нам представляется, творческими и научными устремлениями исследователя, при том, что все известные варианты при анализе сюжета должны быть учтены.

Таким образом, актуальность проблемы, ее новизна, оригинальность методологических подходов, широкое привлечение лингвистического, этнографического и фольклорного материала, аргументированность выводов позволяют оценить представленный труд как оригинальное, новаторское и высшей степени интересное исследование. Осетинская фольклористика действительно преодолела описательность и перешла к глубокому анализу и корректному обобщению того, что нам оставили наши гениальные предки. Тому подтверждение – книга Т.К. Салбиева.